

АННА АНАТОЛЬЕВНА ЗАБИЯКО*Россия, Благовещенск***ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА ЦМЫКАЛ***Россия, Благовещенск***ПОЭТИЧЕСКИЙ ЭТНОГРАФИЗМ В ЛИРИКЕ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЭМИГРАНТОВ:
ЛЕКАРСТВО ОТ НОСТАЛЬГИИ?*****АБСТРАКТ:**

The article examines a special type of artistic perception of a foreign culture by the consciousness of an emigrant – poetic ethnography. The authors present it as a manifestation of artistic ethnography in a lyrical discourse. The singularity of lyrical emotion, the heightened individuality of artistic images of the perception of a foreign culture, their conditioning by certain genre and stylistic features (people's democratic lyrics, symbolism, avant-garde; mythological plot, sketch, essay, lyric monologue, narrative lyrics, etc.), on the one hand, do not create a holistic picture, on the other hand, in capacious details and lyrical remarks they capture not only the essential characteristics

*** Благодарность**

Исследование поддержано грантом Российского фонда фундаментальных исследований. Тема «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)», проект № 20-012-00318. Acknowledgement

The study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research. The theme “Images of Russia and China in literary ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 20–40s. XX century)”, project No. 20-012-00318.

Статья написана при поддержке Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», в рамках лаборатории под руководством молодых исследователей. Проект № FZMU-2022-0008, рег. номер 1022052600017-6.

of the perceived foreign cultural realities, but also characterize the recipient himself. The material of the study is the lyrics of the poet Arseny Nesmelov, the most distant from scientific ethnographism, the poet of Russian Harbin, and the image of China and the Chinese in the poems of 1926–1945. Nesmelov's images of perception of China and the Chinese in their conceptual content are undergoing evolution – from neomythologism and spatio-temporal indifference inherent in a former metropolitan journalist – to the point of view of a “simple Harbin man in the street” and further, to a detailed penetration into the everyday psychology of ordinary Chinese (Manchus), residents Manchuria (peasants, boatmen, carters, hunghuz, “striker”). In the lyrics and epic lyre, the “Manchurian” Nesmelov very soon abandoned modernist gestures, turning in his ethnographic sketches to narrative as a way of expressing the image of perception. Here, in his arsenal – the most diverse methods of creating an imagological image: portraits, characteristics, dialogical-monologic forms, rhetorical questions, pidginized naming of Russians and Chinese, pictures from life, interspersing regional geographic comments, etc.

KEY WORDS:

Literary ethnography – poetic ethnographism – image of perception – literature of the Far Eastern emigration – Russian Harbin.

Ностальгия и этнография – понятия разноположенные, в определенном смысле даже – разнонаправленные. В изначальном понимании ностальгия – психологическое чувство, тоска по родине, экзистенциальное состояние осознания себя в качестве «чужого» и стремление хотя бы мысленно вернуться в те родные пределы, где комфортно, где все знакомо, где каждый кустик – хотя и кривой, а «свой». Этнография же, как известно, это наука о познании и описании других этносов, расширяющая «свои» представления о «чужом», разрушающая стереотипы о приемлемости/неприемлемости этого «чужого», зачастую приводящая к признанию его как «своего». Тоскуя по отчизне, обрести ее подобие через постижение и приятие чужбины – только в таком широком контексте категории «ностальгии» и «этнографии» как формы творческой рефлексии и саморефлексии могут найти точки пересечения.

Условия для постепенного и безболезненного вращивания в «чужие» пространства и «чужую» культуру были судьбой предоставлены русской эмиграции в Китае, быт и бытие которой складывались на территории дальневосточного фронта [Забияко А. П. 2016]. Фронтирный тип ментальности позволил дальневосточным беженцам не только осознать непреложность своей экзистенции на границе отчизны и чужбины, между дореволюционной и послереволюционной жизнью, «красными» и «белыми», русским и китайским миром – но и возможность преодоления этой границы [[Забияко А. П. 2015]. В своем понимании фронта (порубежья) не только как территориальной, темпораль-

ной, но шире – онтологической категории мы исходим из того, что это: «предел определённого типа бытия, но не обязательно состояние его креативной немоци. На границах своего существования бытийствующая реальность может явить впечатляющие образцы витальности и креативности» [[Забияко А. П. 2016].

Центр восточного зарубежья – Харбин – и прилегающие к КВЖД территории являли собой уникальную миниатюру дореволюционной провинциальной России, окружающие пространства маньчжурской тайги мало отличались от привычных большинству беженцев реалий дальневосточных лесов, да и климатические условия были им весьма по душе. Разве только что ветер из Гоби дул сильнее да зимы были помягче... У выходцев из Российской империи не вызывало неприятия и китайское окружение – с середины XIX в. китайские мигранты-отходники, «ходи»,¹ наводняли приамурские, приморские, сибирские просторы, работая на золотодобыче, в лесном и морском промыслах, добывая женьшень, служа при богатых русских домах.

Фронтирное бытие дальневосточных беженцев способствовало продуцированию специфических литературных форм изживания тоски по ушедшему и потерянному. Образы Китая (в первую очередь, Центрального и Южного Китая, а уж потом Северной и Южной Маньчжурии, Трехречья) и китайцев (ханьцев, маньчжуров, корейцев, монголов, малых народов) в художественном творчестве русских беженцев были неотделимы от работы этнического сознания по восприятию инокультуры. *Образ восприятия в литературе* – художественная проекция этнического сознания, обусловленная исторической ситуацией, в которой происходит встреча этносов, этническими константами воспринимающих культур, а также этническими, политическими, социокультурными и художественными установками каждого конкретного автора [Забияко, Сенина 2021].

Приступая к художественному освоению чужой страны и населяющих ее народов, русские писатели-эмигранты осуществляли свои интенции разными путями, в зависимости от перечисленных установок каждого из авторов – родился он и вырос в Сибири или на Дальнем Востоке в ситуации тесных межэтнических контактов (А. Ачаир, В. Март, В. Переле-

¹ *Ходя* – (от *хуоцзи*, 伙计 (*huǒjì*) «напарник», «приятель», «работник»; русск. *ходи* – мн. ч.) – просторечное именование китайцев на русском Дальнем Востоке и позднее всей российской территории. Возникло от расхожего обращения друг к другу китайских мигрантов, работающих в России. Об этом: Забияко А. А. Забияко А. П., Чжан Жуян. Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 5. – С. 135–151.

шин и др.) или же в столице (А. Несмелов), приехал он в Маньчжурию до революции, в начале XX в. (Н. Байков, П. Шкуркин) или же после Ледяного похода (Л. Ещин, Вс. Иванов); был близок к научным кругам либо был завсегдатаем литературных салонов; жил все время в Харбине (А. Несмелов) или же в Шанхае (М. Щербаков, Г. Кочуров), либо имел возможность сравнить эти абсолютно разные образы жизни (А. Паркау, Л. Андересен, Л. Хаиндрова, Н. Щеголев, П. Северный); знал китайский язык либо нет и т.д.; был городским либо «таежным» жителем и т.д. [Забияко, Эфендиева 2008; Кириллова 2015; Землянская 2020; Цмыкал 2021]. Так или иначе, каждый из перечисленных авторов соприкасался с этнографическим материалом, такова была реальность их изнаннического литературного быта и бытия.

Этнографизм в литературе является одним из действенных способов постижения «чужого» и если не «усвоения» его, то понимания. Рефлексия образа Китая и китайцев осуществлялась дальневосточными писателями-эмигрантами в форме стилизаций (И. Орлова, А. Ачаир, В. Перелешин), мифологических реконструкций (Ю. Крузенштерн-Петерц), металитературной рецепции (Г. Кочуров, В. Качоровский и др.) и т.д. [Ли Иннань 2009; Забияко, Эфендиева 2008]. К середине 20-х гг. в харбинской литературе в разных жанровых и дискурсивных формах оформляется и развивается *художественная этнография* как основное, абсолютно оригинальное направление познания русскими писателями себя в Китае и Китая в себе (в творчестве П. Шкуркина, Н. Байкова, В. Марта, М. Щербакова, Б. Юльского и др.). *Художественная этнография* – результат *художественного освоения* авторами культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представителей определенного этноса, населяющих те или иные географические пространства [Забияко 2021].

Однако есть еще один тип художественной этнографической рецепции, точнее – переосмысления этнографических наблюдений сознанием лирика, так называемый *поэтический этнографизм* [Цмыкал 2021]. Специфика создания лирического текста, как известно, – в глубоком субъективизме, в преобладании чувственного восприятия над аналитическим. Лирическое высказывание – психологическая компенсация художника за переживание, если не панацея, то своего рода паллиатив. Безусловно, единомоментность лирической эмоции, пунктирность этнографических деталей в стихотворении зачастую не дают целостного образа инокультуры. Лирике претит подробность описания, потому этнографические детали в лирических стихотворениях, несмо-

тря на меткость, всё же не создают целостного этнографического текста – если, конечно, мы не обращаемся к лирическим повествованиям, переложениям мифов, мифем, сюжетов классических текстов [Цмыкал, Забияко 2021]. Однако емкая деталь, глубинная имманентность ощущения может зачастую в сгущенной форме более точно отразить образ восприятия инокультуры, преодолевая громоздкость развернутых описаний – так, к примеру, происходит в лирических эссе Лариссы Андерсен, в лирике Леонида Ещина, Алексея Ачаира, Николая Светлова, и, разумеется, Валерия Перелешина.

Так или иначе лирический этнографизм, связанный с художественной рефлексией образа восприятия Китая, коснулся почти всех поэтов дальневосточной эмиграции. Но наиболее интересными, на наш взгляд, представляются опыты поэтического этнографизма – по принципу «минус-приема» – в творчестве лириков, весьма далеких и от научных штудий, и от явной прокитайской ориентации.

В данной статье речь пойдет об Арсении Несмелове, личности незаурядной, таланте в русской литературе, до конца еще не познанном. Арсений Иванович Несмелов (Митропольский) (1889–1945) – сын надворного советника, брат известного журналиста и редактора И. И. Митропольского, воевавшего, кстати, в Маньчжурии. До недавнего времени мы считали, что, кроме публицистических статей, Иван Митропольский написал лишь «Повесть из манджурской жизни» о русско-японской войне «Маленький манза» (1913) [Забияко, Ван Юйци 2021]. Однако последние архивные разыскания позволяют говорить о том, что брат А. Несмелова стал писать «рассказы из маньчжурской жизни» практически еще находясь на линии фронта в 1904 г. (рассказ «Хунхузы» и др., 1904–1905 гг.). Его отношение к китайцам, маньчжурам, выраженное в этих рассказах, определенно могли повлиять на Арсения, пока еще и не помышлявшего о том, что он сам в скором времени окажется на тех территориях, где набирался этнокультурного батального опыта его брат.

Арсений Митропольский учился в Втором Московском кадетском корпусе, закончил Нижегородский Аракчеевский, успел поучиться на Психоневрологическом отделении Московского Университета; с юности много читал (Ницше, Шопенгауэр, Фрейд, Юнг), испробовал перо в качестве автора столичных газет и журналов («Нива», «Семафор», «Столичная молва»). Прошел фронты Первой Мировой, одновременно служа в качестве сотрудника тайной полиции. Революцию не принял, участвовал в Московском восстании, оказался в Омске в ставке Колчака, с белыми войсками прошел Ледяной поход, пережил недол-

гую владивостокскую передышку и оказался в Харбине [Забияко А. А. 2016]. От ориентальных увлечений Несмелов был достаточно дистанцирован, китайского языка не знал и не учил. При этом еще во Владивостоке Арсений Иванович сдружился с В. К. Арсеньевым, до конца жизни восхищался его исследованиями в области этнографии. Одним из первых в дальневосточном зарубежье Несмелов приблизился к художественной рефлексии теории этничности и проблем маргинализации этнического сознания, внес свое, несмеловское прочтение в прозу художественной этнографии русской Маньчжурии 20–40-х гг. (рассказ «Игра на мясо» (1926), стихотворение и рассказ «Ламоза» (1940), повесть «Драгоценные камни» (1943), рассказ «Сторублевка» (с подзаголовком «давняя харбинская бль») (1945) и т.д. [Забияко А. А. 2016: 392–420, Забияко, Сенина 2021].

Однако стихотворений о Китае и китайцах у поэта-харбинца Несмелова – не так уж много. Подчеркнем – в разговоре о Несмелове мы не склоняемся к проблеме дискурсивного изоморфизма, присущего некоторым художникам [Забияко 2004]. В лирике Арсения Несмелова, мы, скорее, замечаем обратную тенденцию – влияние прозаического начала на поэтическое, о чем скажем ниже.

Несмелов всегда не был чужд литературной конъюнктуре. В Харбине он жил на подённый заработок от публикации своих произведений (рассказов, фельетонов, стихов в «Рубеже», «Заре» и т.д.). Писатель умело манипулировал дискурсивными формами выражения и жанрово-стилевыми возможностями слова. Помимо следования «злобе дня», он не только чутко реагировал на литературный и общественный запрос – умел предвосхищать новое в литературе и науке.

Не случайно Китай в широком смысле, а затем Маньчжурия, китайцы /маньчжуры появятся в лирике поэта лишь спустя шесть лет после того, как он таежными тропами переберется в Харбин из Владивостока (Несмелов 2006) – только к концу 20-х гг. культурное сообщество «Харбина-папы» созреет до осознания своих уникальных географических и этнокультурных координат, преодолев иллюзии о скором возвращении в утраченную Россию. В первых несмеловских опытах Китай и Маньчжурия – образы по большей части отстранённо-литературные, скорее рассчитанные на читателя «по ту сторону границы». «Легенда о драконе» (1927) будет опубликована в советском журнале «Сибирские огни» и целиком совпадет с актуальным для советского сознания той поры образом восприятия Китая как экзотической страны, поднимающейся на борьбу с иностранцами (Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943; Рабочая Москва 1927; Забияко, Землянская

2021). Вспомним – именно в эти годы создаются «китайские» агитационные стихотворения любимого Несмеловым В. Маяковского («Прочь руки от Китая», 1924; «Московский Китай», 1926, «Прочти и катай в Париж и в Китай», 1927).

Арсений Несмелов, как мы видим, не позволяет себе этнокультурных спекуляций расхожими образами восприятия по принципу «Китай – это родина чая, родина риса», китайцы – «кули» и «рикши» (Маяковский, 1940: 512–519). Опираясь на базовые китайские этнические мифологемы, поэт создает легенду о драконе-Янцзы, пожравшем первый английский пароход, и проецирует этот сюжет на современную революционную ситуацию на юге Китая:

А с берегов,
Из тростниковых хижин,
На пароход,
На дыма черный вал
Глядел крестьянин,
Робок и унижен,
И дьяволом его именовал.

И ... там,
Где солнце
Медно-красным диском
Склонялось в аспид
Острогрудых круч,
Вдруг появились
В отдаленьи близком
Клубящиеся змеи
Черных туч...

Из дыма их
На аспидные кручи
Окрасив в пурпур
Блеклый небосклон,
Неслышно выполз
Сказочно могучий
Тысячекрылый
Огненный дракон...

(Курсив наш. – Авт.)

Стихотворение не имеет исторической основы и представляет яркий образец революционной неомифологии. В ее сюжетной схеме Несмелов – сам «белый дьявол» – встает на сторону «робкого» и «униженного» китайца как представитель этноса, которому «совсем не стойка / Надменность в отношении рас» [Несмелов 1944]. Повествовательная фор-

ма легенды дает автору карт-бланш для «воссоздания» «объективной» точки зрения китайского сознания на иностранцев – «белых дьяволов» [Забияко, Забияко, Чжан 2020]. Убедительность для читательского восприятия придуманного сюжета вполне соответствует этнической константе китайского характера – способности долго помнить нанесенные обиды [Забияко А. П., Кобызов, Понкраторова, 2009]. Жители Поднебесной даже сейчас не забыли унижений, испытанных за годы опиумных войн, и подобная легенда вполне могла родиться в китайском народном сознании в качестве этнопсихологической компенсации:

Прошли года,
Прошли десятилетия,
Развеян сказки
Рухнувший уют,
Но,
Как тогда,
И в это лихолетье,
Преданье вспоминают
И поют...

(Несмелов 1927)

Заметим – уже в этом стихотворении Несмелов подспудно сталкивает стереотипные образы взаимовосприятия, бытующие в русском и китайском этническом сознании. В тексте поэтической легенды, несмотря на отсылку к устойчивому китайскому образу иностранцев, дьявольская, «адская» семантика сопровождает как раз-таки образы, связанные с китайской мифологией – это и «аспид острогрудых круч» («аспидные кручи») китайских гор – кстати, места обитания Духа гор и Лесов, «клубящиеся змеи черных туч» и т.д. Стопный рисунок стихов имитирует очертания драконьей фигуры – внешне он напоминает «маяковскую лесенку», но это только визуальная стилизация. Разбивка 5-стопного ямба на неравносложные строки (например, 2–4–2–3–5–1–2–3–3–2–3–3–2 и др.) создает эффект «вольного ямба», однако в некоторых стопах эта неупорядоченность приводит к появлению хорейческих строк. Расшатанность и непредсказуемость стопного чередования строк органично передает потрясение иностранных захватчиков, вдруг оказавшихся перед лицом огнедышащего чудовища-Китая.

Следующие лирические опыты рецепции Китая и китайцев появятся у Несмелова значительно позднее, уже в начале 30-х гг. г. Характерно, что начнутся они с нагруженного глубокой экзистенциальной печалью и мифопоэтическими аллюзиями стихотворения «Прикосновения»,

где китаец-перевозчик уподоблен античному Харону, переправляющему души умерших на тот свет:

*Была похожа на тяжёлый гроб
Большая лодка, и китаец грёб,
И вёсла мерно погружались в воду...
И ночь висела, и была она,
Беззвёздная, безвыходно черна
И обещала дождь и непогоду.*

Слепой фонарь качался на корме, –
Живая точка в безысходной тьме,
Дрожащий свет, беспомощный и нищий...
Крутились волны, и неслась река,
И слышал я, как мчались облака,
Как медленно поскрипывало днище.

И показалось мне, что не меня,
В мерцании бессильного огня,
На берег, на неведомую сушу –
Влечет *гребец безмолвный*, что уже
По этой шаткой водяной меже
Не человека он несёт, а душу.

(«Без России» 1931. Курсив наш. – Авт.)

Написанное пятистопным ямбом в сложно построенных шестистишиях с рифмовкой ААbССb, стихотворение исполнено интонационной монотонией и аллюзивно обращает читательское сознание к философскому раздумью. Образ китайца в нем – символичен: с одной стороны, в нем развиваются те inferнальные ассоциации, что мы наблюдали в стихотворении «Легенда о драконе», с другой же – символически обозначено «умирание» лирического субъекта во всех его прошлых ипостасях, в первую очередь – в качестве русского (бойца, литератора, человека).

«Свою страну, страну судьбы лихой, / Я вспоминаю лишь литературно» – признается лирический герой начинающего сборник «Без России» стихотворения [Несмелов 2006: 99]. «Похоронив» себя в чужой стороне, выяснив по-мужски отношения с Родиной – возлюбленной, женой, покинувшей женщиной [Забияко 2015: 163–167] – Несмелов обратит свои взоры на Китай (Маньчжурию).

Стихотворения пишутся в годы, когда Маньчжурия уже находится под властью японцев, и китайскому населению приходится переживать страшные времена геноцида. Сам Несмелов, как известно, с японцами умудрялся ладить, сотрудничал с ними еще во Владивостоке, а затем в Харбине, даже преподавал в прояпонской школе по подготовке ди-

версантов для заброски в СССР (Буяков 1994). Однако лирика Несмелова (лирический герой Н. Дозорова, фашистского лирического героя поэта – отдельная тема) [Забияко А. А. 2016] той поры о Китае абсолютно не связана ни с политической конъюнктурой, ни с шовинистическими настроениями. Напротив, наблюдая повседневное унижение китайцев японцами, Арсений Несмелов 30-х гг. словно чувствует все более глубокий интерес к маньчжурской повседневности, проявляя качества беспристрастного эмпирика-наблюдателя и одновременно – поэта-философа:

Ворота. Пес. Прочавкали подковы,
И замер скрип смыкающихся створ.
Какой глухой, какой средневековый
Китайский этот постоянный двор.

За ним – поля. Кумирня, кукуруза...
А в стороне от глинобитных стен,
На тонкой жерди, точно для антенн, –
Отрубленная голова хунхуза.

(Несмелов 1932. Курсив наш. – Авт.)

Обращение к блоковскому топосу бессмысленности бытия, где жизнь движется по замкнутому кругу («Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» А. Блок // «Ворота. Пес. Прочавкали подковы», «За ним – поля. Кумирня. Кукуруза...» А. Несмелов) – разумеется, не формальная ритмико-синтаксическая проекция Несмелова. Удлиняется на стопу ямбический стих – усиливается ощущение тягостной тягучести времени в этом постоянном дворе. Познавший высоту онтологических раздумий петербургского поэта, лирический герой Несмелова увязает в вынужденной безысходности ментального и бытового маньчжурского средневековья и своего непонимания этой духовной «глухоты». На фоне ассоциаций, связанных с радиоантеннами (знаком технического прогресса), отрубленная голова хунхуза – точно картинка из давней исторической хроники. Оттого пространственный образ восприятия Китая неотделим здесь от временных характеристик, в которых определения «средневековый», «тысячелетний», «глухой» являются синонимами и перифразами топосов «застойный», «недвижный» (Китай).

Чтобы избавиться от выморочной «закостенелости» инокультурных реалий, Несмелов экспериментирует с ритмами, метрами, образным потенциалом. Он модернизирует образ Китая, живописуя его с налётом футуристической вычурности. В строфы трёхстопного дактиля он «вплавляет» острающие их акцентные стихи, орнаментируя изображение

китайского храма *enjambements* и лексическими элементами традиционной эстетики и бытовой культуры Поднебесной:

*Узкие окна. Фонарика
Продолговатый лимон,
Выжженный в мреющем паре – как
Вызолоченное клеймо.*

*Думаешь: тщательно вырисуи
Загнутых кровель углы.
Звёзд лиловатые ирисы,
Синее марево мглы.*

*Небо... Не медными горами
Над перевалом веков –
Храм с девятнадцатью Буддами
Медленных облаков.*

(Несмелов 1932. Курсив наш. – Авт.)

«В Китае» практически безглагольно – это своего рода буддийская медитация, рождающая лирический посыл запечатлеть свой этнографический и этнорелигиозный опыт: «Думаешь: тщательно вырисуи...». Среднее четверостишие, написанное в определенно-личной манере – полу-призыв, полу-рефлексия ощущения-созерцания. Финальная строка, уподобляющая небо буддийскому храму, демонстрирует читателю не просто осведомленность поэта о некодифицированности буддийских постулатов и их открытости для воспринимающего сознания. Облаков-будд девятнадцать, это произвольное число – просто потому, что именно столько их увидел лирический герой в данный момент на небосводе.

До конца 30-х гг. в немногочисленных опытах поэтического этнографизма, обращенного к маньчжурским реалиям, Несмелов чаще всего прибегает к зарисовкам-миниатюрам. Не случайно жанровое определение таких стихотворений – «Из китайского альбома» – словно собрание эскизов с китайской (маньчжурской) природы. Для данной жанровой формы он прибережет свои способности портретиста в духе передвижников, следуя стереотипному представлению о «национальном облике китайцев» – простых крестьян:

*Китаец, до пояса голый,
Из бронзы загара литой,
Не дружит с усмешкой весёлой,
Не любит беседы пустой.*

*Уронит гортанное слово
И вновь молчалив, и согбен –*

Работы, заботы суровой
Влекущий, магический плен.

(Несмелов 1935 Курсив наш. – Авт.)

Тема тяжкого, изнурительного труда китайца-земледельца органично вплавляется в семантический ореол русского 3-стопного амфибрахия, ассоциирующегося с некрасовской «народолюбческой» темой («Есть женщины в русских селеньях...»), что, безусловно, способствует имманентной настроенности русского культурного сознания на чужие этнокультурные реалии. Данный образ не случайно импонирует и китайскому, и русскому восприятию, в которых весьма устойчивым представляется клише о китайской любви к труду (Ли Иннань 2002).

Безглагольное стихотворение-перечень – психоэмоциональный инвариант несмеловского постижения китайской реальности: «Ворота. Пес. Прочавкали подковы...» (Из китайского альбома), «Узкие окна. Фонарика / Продолговатый лимон...» («В Китае»), «Щетина зеленого лука / На серой иссохшей гряде. / Степные просторы, да скука, / Да пыльная скука везде» («Гряда»). «Пыльная скука» маньчжурской бытовой жизни, идеал которой «Гряда, частокол да мотыга, / Всю душу в родную гряду!», безусловно, не становится органической частью жизни лирического героя – это «влекущее, сладкое иго», сущность которого он понимает, но в нем нет для него спасения.

В фокусе последующего лирического восприятия – не только китайцы-землепашцы, но и погонщики волов, лодочники («юли-юли»), возчики салазок по льду Сунгари (так называемые «толкай-толкай»), слуги («бои») при харбинских домах:

По дороге, с ее горба,
Ковыляя, скрипит арба,
Под ярмом опустил кадык
До земли белолобый бык.

А за ним ускоряет шаг
И погонщик, по пояс наг.
От загара его плечо
Так коричнево горячо.

Так и тысячу лет назад
Шли они, опустив глаза,
Наклонив над дорогой лбы,
Человек и тяжелый бык.

«Около Цицикара» (Несмелов 1938. Курсив наш. – Авт.)

Поэту нужен яркий, знаковый образ китайца – оттого его погонщик снова «до пояса наг», «от загара его плечо / так коричнево горячо». 3-иктный урегулированный дольник, которым написано стихотворение, вкупе с ономапейными звукообразами *дороге-горба-скрипит-арба-кадык-бык* соответствуют «ковыляющему» ритму движения колес арбы, ее нескончаемого в веках движения.

Простой китаец близок лирическому субъекту Несмелова – и здесь он демонстрирует свои лучшие качества русского интеллигента, далекого от «великоросской» гордости. Потому «бронзовый с синевою» *ходя* – лодочник-перевозчик через Сунгари – становится «подельником» лирического героя в побеге от «зоркой боли, / от злости и коньяку»:

Мне душно от зоркой боли,
От злости и коньяку...
Ну, *ходя*, поедем, что ли
К серебряному маяку!

*Ты бронзовый с синевою,
Ты с резкою тенью слит,
И молодо кормовое
Весло у тебя юлит.*

Ну, *бронзовый мой китаец*,
Юли же, *юли-юли!*²

(Несмелов 1936. Курсив наш. – Авт.)

Трёхударный акцентный стих на основе амфибрахия придает лирическому высказыванию форму свободного монолога, обращенного и к самому себе, и к своему безмолвному и доброжелательному спутнику-«ходе», «юли-юли».

Испробовав разные формы создания образа художественного восприятия китайцев, поэт постепенно обращается к повествовательной лирике. С теплым чувством, в духе детской поэзии, для чего весьма

² *Юли-юли* (пидж.), очевидно, от кит. 游 you «плыть» и побудительной словоформы «游啦, 游啦» «yóulā, yóulā» «плывем!», вежливого призыва к путешествию на лодке. Именование и лодки, и самого китайца-лодочника, управляющего кормовым веслом, во Владивостоке и в Харбине. В результате народной этимологизации русскими жителями, пользующимися этим видом транспорта, было переосмыслено как русский императив от глагола «юлить» (скользить, вертеть, управлять кормовым веслом). Пример расхожести такого толкования являет примечание самого Несмелова к публикации в «Рубеже»: «“Юли-юли” называют во Владивостоке лодки с парусом и кормовым веслом, а также и лодочников-китайцев, управляющих этими судами», а также его реплики в беллетризованных мемуарах «Наш тигр» (1944).

пригодился 4-хстопный хорей жМжМ, в стихотворении «Старый знакомец» выразит Несмелов отношение к бою Василию:

Все оделись, стол накрыли
И к Заутрене ушли.
Остается бой (в Василья
Переделанный из Ли)
Ли Тун-чен, старик отличный
Из далекого Чи-фу;
Не случайно, Вася, нынче,
Ты попал в мою строфу!
Много лет в семействе этом
Служишь, в дружбе не лукав,
И не буду я поэтом,
О тебе не написал

Знакомые с прозой брата поэта – Ивана Митропольского, сразу обнаружат в последующих строчках, превозносящих русского бога в глазах китайца, влияние на Несмелова повести «Маленький манза» [Митропольский 1913]:

Огонек уединенно
Озаряет кроткий лик.
Ночь колышется от звона
И за домом, и вдали.
Ночь гремит о высшем чуде,
Ночь от радости гремит...
«Русский есть хороший люди!» –
Вася твердо говорит.
Почему? И некий отзвук
Из глубин души истек:
«Потому что у ламозы³
Бог как люди: добрый Бог»

(Несмелов 1941. Курсив наш. – Авт.)

Вопреки высказываниям некоторых китайских ученых [Ли Мэн 1999], харбинская реальность, социокультурные и экономические условия формирования харбинской культуры были таковы, что отношения между русскими и маньчжурами, китайцами складывались на основе не расовых предубеждений, а человеческих симпатий. В рассказе «Пор-

³ Ламоза – 老毛子 (lǎomáozi): *груб.* «волосатый, волосатик» (русский, иностранец); *букв.* «старая шапка» (прозвище русских в Харбине в 30–40-е гг. XX в. // Забияко А. А., Забияко А. П., Чжан Жуан. Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 5. – С. 135–151).

трет Луки Паччиоли» этот же (или тезка) бой Василий самоотверженно спасет своего русского хозяина, «капитана», от русского же грабителя. И здесь можно сказать еще об одной особенности поэтического этнографизма Арсения Несмелова – тематическом (не дискурсивном) изоморфизме его лирических и прозаических текстов, обращенных к образу восприятия (стихотворение «Ламоза» – рассказ «Ламоза», стихотворение «Старый знакомец» – рассказ «Портрет Луки Паччиоли» – поэма «Нина Гранина» и т.д.).

Заключение

Поэтический этнографизм не стал лекарством от ностальгии «мужественного» лирика-эмигранта Арсения Несмелова. Но созданные по этому образы восприятия Китая и китайцев подарили харбинскому читателю меткие характерные картинки с «китайской (маньчжурской) натуры», в которых отразились не только взгляд на Маньчжурию и ее жителей, их культуру и нравы, но и опыт самовосприятия русского поэта на randevу с Китаем.

«Китайские» стихотворения Арсения Несмелова в определенной мере стали лирической квинтэссенцией процесса постижения им «чужих» пространства, культуры, социума. И одновременно – отразили этапы личной самоидентификации и самовосприятия себя в этом «китайском» мире как поэта и русского человека. Начав с неомифологической легенды, поэт переходит к зарисовкам «Из китайского альбома», пытаясь изжить свое неприятие Китая футуристической эстетикой и метрическими экспериментами. Постепенно «чужая» культура, «экзотический Китай» обретает антропологические очертания конкретных людей, китайские персонажи становятся молчаливыми, но доброжелательными *vis-a-vis* лирического героя, стремящегося постичь древние этнокультурные основания окружающего его мира.

Перепробовав разнообразные жанровые формы лирических высказываний, поэт все более стремится к эпичности, повествовательности – срабатывает накопленный опыт восприятия инокультуры. Не случайно его последние стихотворения выглядят словно очередные фрагменты (наброски) незаконченной поэмы «Нина Гранина» – своеобразной энциклопедии харбинской жизни. В них лирическая субъективность отходит на второй план, а читателю предлагается широкая панорама русско-китайского харбинского мира.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БУЯКОВ, А. (1994): Русский поэт и фашист. *Владивосток*, 3 марта. *В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов. Материалы к творческой биографии: Научное издание: В 3-х т.* (2015): Т. 1, Проза: в 2-х ч., Благовещенск: Изд-во АмГУ, с. 166–171.
- ЗАБИЯКО, А. А. (2004): *Синэстезия: метаморфозы художественной образности*. Благовещенск: Амурский гос. ун-т.
- ЗАБИЯКО, А. А. (2015): Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов. In: Забияко А. П., Забияко А. А., Левашко С. С., Хисамутдинов А. А.: *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта*. Под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015, с. 163–167.
- ЗАБИЯКО, А. А. (2016): *Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина*. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН.
- ЗАБИЯКО, А. А., ВАН ЮЙЦИ (2022): Образ восприятия японцев и Японии в до-революционном опыте художественной рефлексии: жанрологический аспект. *Гуманитарный вектор*, Т. 17, № 1, с. 19–28.
- ЗАБИЯКО, А. А., ЗАБИЯКО, А. П., ЧЖАН ЖУЯН (2020): Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских. *Проблемы Дальнего Востока*, 2020, № 5, с. 135–151.
- ЗАБИЯКО, А. А., ЗЕМЛЯНСКАЯ, К. А. (2021): «Рассказы о Востоке» в контексте художественной этнографии В. Марта советского периода. *Гуманитарный вектор*, 2021, Т. 16, № 4, с. 8–17.
- ЗАБИЯКО, А. А., СЕНИНА, Е. В. (2021): Художественный образ восприятия инокультуры как категория имагопоэтики. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 2021, Т. 18, № 1, с. 166–171.
- ЗАБИЯКО, А. А., СЕНИНА, Е. В. (2021): Художественный образ восприятия Китая и китайцев в русской литературе Маньчжурии 20–40-х годов XX века (на материале творчества Арсения Несмелова). *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 2021, Т. 18, № 4, с. 208–217.
- ЗАБИЯКО, А. А., ЦМЫКАЛ, О. Е. (2021): Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен). *Гуманитарный вектор*, 2021, Т. 16, № 1, с. 45–55.
- ЗАБИЯКО, А. А., ЭФЕНДИЕВА, Г. В. (2008): «Четверть века беженской судьбы...» (*Художественный мир лирики русского Харбина*): монография. Благовещенск: Изд-во АмГУ.
- ЗАБИЯКО, А. П. (2015): На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации. In: Забияко А. П., Забияко А. А., Левашко С. С., Хисамутдинов А. А. *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта*. Под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015, с. 3–14.
- ЗАБИЯКО, А. П. (2016): Порубежье как данность человеческого бытия. *Вопросы философии*, 2016, № 11, с. 26–36.

- ЗАБИЯКО, А. П. КОБЫЗОВ, Р. А., ПОНКРАТОВА, Л. А. (2009): *Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке*. Под ред. А. П. Забияко, Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та.
- ЗЕМЛЯНСКАЯ, К. А. (2020): Изучение религиозных обычаев и традиций нанайцев в отечественной науке (дореволюционный контекст) и опыт их систематизации в художественной этнографии Венедикта Марта. *Религиоведение*, 2022. № 4, с. 137-147.
- КИРИЛЛОВА, Е. О. (2015): *Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б. М. Юльский, Н. А. Байков, М. В. Щербаков, Е. Е. Яшинов): монография*. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т.
- ЛИ ИННАНЬ (2009): Образ Китая в русской поэзии Харбина. In: «*Русский Харбин, запечатленный в слове*», Вып. 3: сборник научных работ, посвященный 95-летию Л. Н. Андерсен. Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. Благовещенск : Изд-во АмГУ, с. 19–32.
- ЛИ МЭН (1999): Харбин – продукт колониализма. *Проблемы Дальнего Востока*, №1, с. 96–103.
- МАЯКОВСКИЙ, В. В. (1940): Прочти и катая в Париж и Китай («Собирайтесь, ребятишки...»). In: *Полное собрание сочинений: В 12 т.* Т.5. Агитстихи; Агитпоэмы; Стихи детям, 1920–1930. М.: Гос. изд-во «Худож. лит.», 1939–1949, с. 512–519.
- МИТРОПОЛЬСКИЙ, И. И. (1913): *Маленький Манза : Повесть из манджурской жизни (из эпохи рус.-яп. войны)*. М.: кн. скл. М. В. Клюкина.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1926): Игра на мясе. *Советская Сибирь*, 1926, № 117 (23 мая).
- НЕСМЕЛОВ, А. (1927) Легенда о драконе. *Сибирские огни : художествен.-лит. и науч.-публицистич. Журн.* Новосибирск : Сиб. краевое изд-во, № 3 : май – июнь. Редкол. М. Басов [и др.].
- НЕСМЕЛОВ, А. (1932): В Китае. *Азия*, 1932, № 2, с. 10.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1932): Из китайского альбома (I). *Феникс*, 1932, № 2, с. 22.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1935): Гряды. *Феникс*, 1935, № 14, с. 16.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1936): Юли-юли. *Рубеж*, 1936, № 7, с. 14.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1938): Хунхуз. *Полустанок*, 1938, с. 30.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1941): Старый знакомец (I-V). *Луч Азии*, 1941, № 4, с. 36.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1944): Нина Гранина. *Рубеж*, 1944, № 12, с. 15.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1944): Портрет Луки Паччиоли. *Рубеж*, 1944, № 7, с. 15.
- НЕСМЕЛОВ, А. (1945): Сторублевка. *Луч Азии*, 1945, №1, с. 35.
- НЕСМЕЛОВ, А. И. (2006): *Собрание сочинений. Том II. Рассказы и повести. Мемуары*. Владивосток, Альманах «Рубеж», с. 660–710.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы* (2004). М.: РОССПЭН, с. 356–494.
- Рабочая Москва*, 1927, 22 марта, с. 1.
- ЦМЫКАЛ, О. Е. (2021): Религиозный аспект поэтического этнографизма Лариссы Андерсен. *Религиоведение*, 2021, № 1, с. 124–135.

ПРОФИЛИ АВТОРОВ:

Забияко Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор

Научные интересы: история культуры и литературы русской эмиграции в Китае, художественная этнография дальневосточного фронта, культура, религиозные представления малых народов Северо-Востока Азии и их отражение в литературе.

Кафедра литературы и мировой художественной культуры, Амурский государственный университет, Россия, г. Благовещенск.

<https://www.amursu.ru/scienciaci@yandex.ru>

Цмыкал Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент

Научные интересы: история культуры и литературы русской эмиграции в Китае, художественная этнография дальневосточного фронта.

Кафедра литературы и мировой художественной культуры, Амурский государственный университет, Россия, г. Благовещенск.

<https://www.amursu.ru/olgatsmykal@yandex.ru>

Zabiyako Anna Anatolyevna, Doctor of Philology, Professor
Department of Literature and World Artistic Culture
Amur State University, Russia, Blagoveshchensk.

Tsmykal Olga Evgenievna, Senior Lecturer
Department of Literature and World Artistic Culture
Amur State University, Russia, Blagoveshchensk.